

КАРЕН
ХОКИНС

*Как огаровать
градирню*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
X70

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Karen Hawkins

HOW TO CAPTURE A COUNTESS

Перевод с английского *А.М. Медниковой*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

ёПечатается с разрешения издательства Pocket Books,
a division of Simon & Schuster Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Хокинс, Карен.

X70 Как очаровать графиню : роман / Карен Хокинс ; [пер. с англ. А. М. Медниковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-093919-0

Несколько лет назад юная шотландка Роуз невольно превратила в посмешище знаменитого лондонского денди и соблазнителя лорда Элтона Синклера. Когда же Роуз приняла от тетушки Элтона приглашение погостить в ее имении, он решил, что теперь Роуз не уйти от возмездия.

К тому времени юная провинциалка стала ослепительной красавицей, умной, насмешливой. Она с легкостью рушит коварные планы мести Синклера. Очень скоро охотничий азарт повесы сменяется невольным восхищением, а восхищение — любовью, пылкой, непреодолимой, страстной...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Karen Hawkins, 2012
© Перевод. А.М. Медникова, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-093919-0

Пролог

*Палаццо Альбрицци
Венеция, Италия
1 июня 1806 года*

Из дневника герцогини Роксборо

По настоянию супруга моего, герцога Роксборо, взялась я за бумагу и перо в надежде, что этот дневник поможет унять злые сплетни, которые могут запятнать мое доброе имя в глазах потомков. Да, в том, что говорят обо мне, есть зерна правды, однако есть и плевелы лжи.

К примеру, правдиво то, что я пережила четырех мужей, а ныне замужем за пятым, возлюбленным моим Роксборо. Правда также и то, что всякий следующий мой супруг был много состоятельнее и старше предыдущего. Однако молва о том, что я связывала себя узами брака единственно ради богатства, заведомо лжива.

Можете счесть меня романтической, но я никогда не могла выйти замуж без любви, ибо именно любовь и семья — суть основы достойной жизни.

Но, невзирая на многочисленные браки, одно омрачает мою жизнь — это бездетность. Посему я посвятила себя счастью старшей моей сестры, вдовствующей графини Синклер, и ее внуков. У меня трое очаровательных внучатых племянников, чьи имения рассеяны по горам и долам Англии и Шотландии, и двое из них, к моему счастью, счастливо женаты.

К несчастью, старший из них, граф Синклер, стал предметом моей печали... Мне не вполне понятна причина того, что само понятие брака внушает Сину омерзение. Некогда

я почитала его упрямым, однако в последнее время все чаще полагаю, что за маской скуки, обращенной к добропорядочному обществу, кроется нечто большее... Полно, скука ли это или же ледяное презрение, порожденное некогда нанесенной ему раной?

К печали моей, откровенность ему чужда — более того, в попытке оградиться от докучливых домогательств он все чаще демонстрирует поведение, порицаемое добропорядочным обществом. Не далее как нынче утром я получила беспокоившее меня послание от сестрицы — она сообщает, что мой возлюбленный внучатый племянник Син замешан в некоем скандале...

Сестра моя обычно очень сдержанна в проявлении чувств, но на этот раз я словно слышу на расстоянии ее отчаянную мольбу о помощи, поэтому мне надобно торопиться домой, в Шотландию. Ах, как хотелось бы добраться побыстрее, однако предстоит еще позаботиться о безопасном маршруте, добротных повозках, тщательно упаковать багаж — словом, хлопот неисчислимо!

Опасаясь, что за тот месяц, что я буду в пути, ситуация, увы, усугубится. Остается лишь надеяться, что последствия не станут непоправимыми...

*Ежегодный Охотничий Бал у леди Макаллистер.
Двумя неделями ранее...*

Лорд Синклер стоял, подпирая спиной стену балльного зала леди Макаллистер, и отчаянно сокрушался, что его угораздило вообще сюда прийти. Этим вечером разочарования настигали его одно за другим. Началось вот с чего: поддавшись на покорную просьбу бабушки отвезти ее на бал, он был обескуражен тем, что ее сопровождали целых две безнадежно незамужних барышни: мисс Макдоналд и еще одна, имя которой он тотчас позабыл... И они обе, на протяжении всего пути, попеременно строили ему глазки и хихикали. Всего этого

было вполне достаточно, чтобы у Сина безнадежно испортилось настроение.

Второе разочарование состояло в отсутствии на балу виконта Трокмортонна. Син и приехал-то на бал единственно ради того, чтобы, прижав виконта где-нибудь в уголке, уговорить продать изумительного гнедого, которого он видел на улице Эдинбурга на прошлой неделе. Но, очевидно, планы лорда Трокмортонна переменялись, ибо его нигде не было видно.

Ну и, наконец, третье: это сама хозяйка бала, миссис Макаллистер. Известная своею прижимистостью даже среди шотландцев, она так сэкономила на напитках, что к тому времени, как Син приехал, портвейн и виски уже были выпиты — оставались лишь приторно-сладкий шерри и сухое, словно осенний лист, шампанское...

Но самым худшим, окончательным разочарованием было то, что те бонвиваны, чье общество Син обычно предпочитал на мероприятиях такого рода, сочли за благо пренебречь унылым празднеством в стиле леди Макаллистер в пользу истинно мужских развлечений. Дело обстояло хуже некуда: бальный зал наводнен был до отвращения навязчивыми юными барышнями с кукольными глазками... С каждой минутой становилось понятнее, что брошенное как бы невзначай бабушкой «Кажется, на балу будет виконт Трокмортон» было не более чем дешевым трюком, призванным завлечь Сина в цветник, состоящий из «добропорядочных юных леди на выданье»...

Син всей душой ненавидел тот флер добропорядочности, которым общество целомудренно прикрывало самый убийственный, умерщвляющий душу институт — законный брак. К черту все разговоры о любви — это лишь жалкая подачка для наивных! Любви тут не место — все затевается единственно ради рождения и воспитания наследников.

Заговаривая с какой-нибудь юной девой, Син заранее знал, что произойдет: она станет заискивающе глядеть ему в глаза, улыбаться, изображать, что ловит каждое его слово, — но он-то знал правду! Все эти бледные немочи — точь-в-точь ползучие растения, обвивающие мощные стволы: они видят в нем лишь толстый кошелек и желанный титул. О, как он ненавидел такого рода празднества, предназначенные лишь для уловления «подходящих» мужчин, дабы завлечь их в общество барышень с голодными взглядами — с тем, чтобы последние, с соблюдением всех возможных приличий, улыбаясь, танцуя и беседуя, добились желанной цели: скачайнейшей замужней доли...

Положение его нынче было незавидным — Син маялся в постылом обществе, трезвый как священник, лишенный даже малого удовольствия: выторговать у Трокмортон дивного жеребца...

От обрушившихся на него разочарований он едва не скрежетал зубами. И как только его бабушка, склонив голову на грудь, задремала, Син спасся бегством и улизнул в библиотеку, где обнаружил стайку прячущихся от прекрасного пола холостяков.

Желая хоть чем-то утешиться, он затеял карточную игру с молодым лордом Макдунэном. Минут через двадцать ставка Макдунэна — серебряная гравированная фляжка, в которой плескалось еще приличное количество доброго шотландского виски, — перекочевала в жилетный карман победителя. Син промаялся в библиотеке еще около получаса, надеясь протянуть время до того благословенного момента, когда бабушка будет готова откланяться и отбыть домой. Однако лорд Макдунэн был не из тех, кто умеет весело проигрывать, — он беспрестанно скулил, сокрушаясь об утрате фляги, и Син, наконец, потерял терпение. Мучимый скукой, он покинул библиотеку и направился к столам с закуска-

ми, где не было уже ничего, кроме объедков, каких-то привядших цветочков и неиспользованных стаканов для пунша. Син стянул один стакан, спрятался за пальмой и налил себе виски из фляги.

Подкрепленный таким образом, он слегка воспрял духом, и только вновь поднес стакан ко рту, как заметил глазающую на него молодую особу в розовом бальном платье. Стоило им встретиться взглядами, как особа ринулась к нему, словно хищник на добычу.

Боже праведный, они как пиявки!

Он повернулся к барышне спиной, но наткнулся взглядом сразу на двух девиц в столь же ужасающих платьях. И хотя они не облизывали губ при виде Сина, их недвусмысленно хищные взоры делали девушек похожими на коршунов, завидевших упитанного зайца...

С него довольно. Он уезжает. Оставит карету бабушек, сам велит заложить повозку — и домой!

Сжав челюсти, Син развернулся — и едва не споткнулся о какую-то малявку, которая, похоже, уже какое-то время отиралась за его спиной. Син едва не расплескал свой драгоценный виски.

Совладав с пляшущим в руке стаканом, он одарил угрюмым взором девчонку, ставшую преградой между ним и свободой. Хрупкая, непривычно загорелая, со вздернутым носиком, украшенным россыпью веснушек. Маленькое личико обрамляли буйные черные кудри, чьего богатства не могло сдержать даже обилие лент. Облачена девица была в ужасное белое, болтающееся на худенькой фигурке платье, чей фасон и цвет совершенно не шли ни ее смуглости, ни детской стройности.

— Как поживаете? — Барышня присела в торопливом реверансе, сопровождаемом улыбкой отчаяния.

Син с трудом подавил порыв послать ее к дьяволу.

— Прошу меня извинить, — ледяным тоном произнес он и собрался уже уйти...

— О, прошу, подождите! — Ручка девицы цепко сомкнулась на его локте.

Волна жара окатила Сина.

Он остановился как вкопанный, глядя сверху вниз на затянутую в перчатку ручку. Он ощутил это прикосновение сквозь три слоя ткани — так, словно эти пальчики коснулись его обнаженной кожи.

И вот он уже смотрит прямо в глаза девицы. А в них, ярко-синих, опущенных густыми черными ресницами, — то же потрясение, что и у него...

Она перевела взгляд на свою руку, затем вновь подняла глаза:

— Простите, но я не ожидала...

Личико незнакомки залил густой румянец, придав ему оттенок изысканной темной розы.

Интересно, а соски у нее такого же темно-розового цвета?..

Эта шокирующая мысль пронеслась в голове Сина так ярко, словно он произнес эти слова вслух. Барышня отдернула ручку — словно обожглась.

— Я не имела в виду... простите, но я... — Она судорожно сглотнула, вид у нее был разнесчастный.

Син вновь ощутил раздражение.

— Прошу извинить, но разве мы знакомы?

Барышня явно приуныла.

— Мы встречались на обеде у графини Дэнфорд всего лишь неделю назад...

— И мы с вами беседовали?

— Н-н-ну... нет.

— Я вас не помню.

Еще бы, тогда он чересчур увлекся выпивкой, чтобы вообще что-то помнить...

— А еще мы встречались чуть раньше на домашнем празднике у Мелтонов...

Он провел тогда большую часть вечера в библиотеке,

в обществе мужчин — они обсуждали тогда запланированную на следующий день охоту.

— Простите великодушно, но я не...

— А помните суаре у Фаркуаров?

Син отрицательно покачал головой.

— А бал у Макэннисов? А обед у графа Стрэтема?

Он вновь отрицательно покачал головой.

Девушка совсем приуныла. Син отчего-то ощутил нечто, напоминающее угрызания совести, совсем ему не свойственные, которые, впрочем, тотчас же уступили место раздражению. Черт подери, не может же он помнить каждую девчонку, которая с ним заговорила, — а уж о том, чтобы жалеть их, и речи быть не может!

Однако простое прикосновение девичьей ручки к рукаву никогда еще не вызывало в нем подобного отклика!

Тут к ним подошел лакей, разносивший шампанское, и барышня резво схватила бокал. К великому изумлению Сина, она вдохнула всей грудью и залихватски, несколькими торопливыми глотками осушила его.

Заметив удивленный взгляд молодого человека, барышня вновь залилась румянцем.

— Знаю, леди так не поступают, но... — она наморщила носик, с отвращением глядя на бокалы, — но шампанское столь омерзительно, что мне совсем не хочется его смаковать.

Син невольно расхохотался, и раздражение как рукой сняло. *Кто эта барышня?* Он пригубил виски, изучая ее поверх своего стакана.

— Так вы любите шампанское? Я имел в виду, *хорошее шампанское?*

— Да, однако такого тут нет и в помине, вот я и...

Без тени смущения она отыскала взглядом лакея с подносом и заменила пустой бокал полным, который и осушила столь же ловко, как и предыдущий.

— Оно хотя бы холодное, — рассудительно заметила она.

Син в голос рассмеялся. Она выглядела на удивление нелепо и мило, эта невинная на взгляд девчонка, со своим веснушчатым носиком, черными кудряшками и распахнутыми синими глазами, осушающая один за другим бокалы шампанского со спокойным пренебрежением к великосветским нормам приличия! Син уже и вспомнить не мог, когда был настолько очарован...

На первый взгляд девушка показалась ему очень юной, не старше шестнадцати. Но теперь, глядя в ее решительные синие глаза, Син понял, что ошибся, введенный в заблуждение ее миниатюрностью. Она была, похоже, куда старше — и куда интереснее, чем ему показалось с первого взгляда.

— А скажите мне, мисс...

— Бальфур. Мисс Роуз Бальфур.

Син уже без всякого стеснения оглядел барышню с головы до ног. Он никогда не был поклонником женщин, лишенных волнующих рельефов, однако в Роуз Бальфур, несомненно, было нечто привлекательное. Вдруг бал перестал казаться ему таким уж невыносимо скучным.

— Ваше имя прекрасно вам подходит.

— Это не настоящее мое имя. Моя матушка была великой поклонницей античной мифологии, поэтому назвала меня Евфросиной.

— О, так зовется одна из трех граций! — В ответ на ее взор, полный недоумения, Син пожал плечами: — Я читал про них — правда, запомнил, которую именно грацию звали Евфросиной. Богиню Радости? Изобилия? Веселья?

— Богиню веселья... — Она состроила забавную рожицу. — Боюсь, я наделена весьма своеобразным чувством юмора...

Да ты шалунишка, думал Син, чувствуя, как его интерес к барышне крепнет с каждой минутой.

Словно прочитав его мысли, она рассмеялась. Обворожительный, слегка хрипловатый ее смех пьянил не хуже игристого вина — он почти ощущал его на вкус. Такое было ему куда более по душе: женщина, не желающая разыгрывать фальшивую невинность, призванную завлечь жертву в паучьи сети, а, напротив, смело и искренне выражающая мысли и желания.

Син склонился к девушке:

— Мисс Бальфур, что принесло вас на этот бал? Сдается, здешнее общество подходит вам ничуть не более, нежели мне.

Глядя в красивое лицо кавалера, Роуз решительно не соглашалась с ним: *его* общество подходило ей идеально. *Он* был идеален. И выпей она еще бокал запретного шампанского (тетя Леттис, к счастью, была увлечена карточной игрой), Роуз уверена была, что утонула бы в этих прекрасных светло-карих, цвета шерри, глазах...

Она поверить не могла, что сейчас эти самые глаза разглядывают ее. Она грезила об этом так долго, все ждала, когда же, наконец, лихой красавец граф Синклер заметит ее, по-настоящему разглядит и поймет, что они предназначены друг другу самим Провидением...

Глупая это была мечта, и девушка об этом знала — но все равно мечтала об этом всякий раз, когда его видела. Было в нем нечто, отчего ноги ее подкашивались, а сердце ускоряло бег. И дело было не в его изрядном росте и широченных плечах — хотя все прочие кавалеры рядом с ним смотрелись карликами. И даже не в том, что он был на редкость хорош собой — линии высокого лба, мощного подбородка и скул были словно у греческой статуи. И даже не в том, что солнце подарило его волосам свое щедрое золото, которое смешивалось в его густой шевелюре с более темным, каштановым тоном...

Если и было в его наружности что-то несовершенно, так это еле заметно искривленная спинка носа — вернее всего, следствие мальчишеских забав. Или это случилось позднее, при занятиях каким-то спортом? Она знала лишь, что это прибавляет некоего пьянящего очарования его и без того великолепной внешности...

Как бы там ни было, лорд Синклер был воплощенной женской мечтой — здесь Роуз всецело соглашалась с мнением большинства, — и девушка исполнена была решимости сполна использовать драгоценные минуты, покауда его внимание сосредоточено на ней. На ней одной.

Улыбка Сина готова уже была исчезнуть, и сердце девушки болезненно сжалось: она поняла, с нарастающим ужасом, что не ответила на его вопрос, что же именно привело ее на этот бал... *Я не могу позволить ему заскучать, иначе он уйдет, и мой единственный шанс будет упущен. Но что может заинтересовать его?* Она знала, что он обожает лошадей, и искрометные пари, и бокс. Ну, и виски тоже, и омара в сливочном соусе... Знала еще, что он носит преимущественно синие жилеты — стало быть, это его излюбленный цвет...

Она знала также, что он великолепно вальсирует, но никогда не танцует народных танцев, и приглашает на танец женщин исключительно замужних или же тех, кто много старше ее... Знала она и то, что всякий раз, стоит ему показаться, ее шестнадцатилетнее сердечко начинает колотиться, словно запертая в клетку птичка...

Вот так оно колотилось и теперь, но Роуз не могла позволить Сину заметить, насколько она взволнована. Лорд Син обычно беседует исключительно со зрелыми женщинами, притом с очень светскими. Такие женщины обыкновенно исполнены величавости и сознания собственных достоинств, пробуждающих зависть прочих дам и восхищение мужчин, подобных Сину..

И Роуз вдруг мучительно захотелось стать именно такой женщиной! Рукой, продолжающей сжимать пустой бокал, она обвела комнату и произнесла, силясь изобразить крайнюю степень пренебрежения:

— Вечер необычайно скучен! — Она взглянула на Сина. — По крайней мере, был... до этой минуты.

Ее самоуверенность, вдохновленная шампанским, сконфузила ее самое — однако, похоже, восхитила ее собеседника. Глаза его сузились, он придвинулся ближе к девушке — настолько близко, что коснулся грудью ее плеча, отчего все тело Роуз охватил странный жар. Она вдруг осознала, насколько крепко сжимает хрупкий бокал — странно, что он еще не треснул. Она слегка ослабила хватку, более всего на свете желая зашвырнуть куда-нибудь постылый бокал, а заодно и все условности, и обвить руками шею своего кавалера — что, вне сомнений, отчасти объяснялось выпитым шампанским.

— Как жаль, что мы с вами здесь, на балу... Мы могли бы найти занятия куда интереснее...

...Например, катание верхом в парке — ведь она любит лошадей не меньше, чем он! Или, если бы им удалось ускользнуть от бдительного ока тетюшки, они могли бы погулять в садике, а может, и поцеловаться там украдкой... Сердечко Роуз затрепетало.

— *Занятия куда интереснее*, мисс Бальфур? — Син улыбнулся, и в его глазах она заметила странный огонек. — Я бы тоже этого желал.

Девушка широко улыбнулась, не отводя взгляда, но чувствуя полную растерянность. Да, он легко запомнил все их короткие встречи, однако она-то их помнит! Она помнит каждую его улыбку, помнит, как его солнечные волосы падают на лоб, как искрятся его глаза, когда он смеется... Она знает, хорошо знает, как звучат раскаты его глубокого голоса, от звука которого сердце трепещет, словно колибри...

— Мисс Бальфур, у вас кончилось шампанское. Принести вам еще?

— О нет, моя те... — Роуз испуганно проглотила остаток фразы: *светские дамы не отчитываются перед тетушками!* — То есть да! С наслаждением выпью еще бокал!

Син осмотрел зал поверх ее головы.

— Куда запропастился лакей? Только что рядом стояли целых двое!

Роуз не преминула воспользоваться возможностью рассмотреть его попристальной — она залюбовалась мощным подбородком, решительной патрицианской линией носа, тем, как чувственно изогнулись его губы — так, что ей захотелось...

Син устремил на нее глаза — и на мгновение взгляды их скрестились. Роуз попыталась скрыть смущение, пренебрежительно оглядев зал:

— Т-тут нынче многолюдно, не правда ли?

Син пожал плечами, и на лице его отобразилось легкое разочарование, которое для Роуз подобно было удару ножа.

— Но это же бал, — коротко отвечал он.

Роуз поняла: нельзя терять ни минуты. *Будь оно все проклято — если ему станет скучно со мной, он уйдет!* Она огляделась, ища источник вдохновения.

— Я ненавижу такие вечера!

— Отчего же?

На этот вопрос она могла ответить честно:

— Оттого, что все барышни вплетают в волосы бесчисленные ленточки, завязывают дурацкие бантики, застегивают идиотские пуговички — так, что каждая напоминает треску, затянутую в корсет!

От звука его раскатистого смеха сердце Роуз запело.

— Треску???

Оттого, что ей удалось заставить его смеяться, девушка расцвела:

— А как вы развлекаетесь на званых вечерах, лорд Син?

От его улыбки не осталось и следа.

— Лорд Син? — изумленно повторил он.

Роуз заморгала:

— Так вас называют люди...

— Те, кто меня знает, возможно.

Роуз взглянула на него исподлобья, сквозь пелену ресниц — однажды она видела, как одна вдовушка так на него поглядела.

— Если вы не хотите, чтобы я звала вас «лорд Син», я не стану. Однако редкие слова так пленительны на слух... Син* — ах, как это легко срывается с языка!

У самой Роуз глаза едва не полезли на лоб от собственной безрассудной храбрости. *Боже милосердный! Откуда я это взяла?*

Откуда бы это ни взялось, ее собеседнику, похоже, понравились ее слова — его взгляд вдруг стал пристальным.

— Так грех доставляет вам наслаждение, мисс Бальфур?

— Но ведь грех так упоительно-сладок, — парировала девушка, все сильнее пьянея от собственной отваги. Она вспомнила вдруг строчку из церковной проповеди, которую они слушали с тетей Леттис в прошлое воскресенье: «Ведь все мы грешны, не в том, так в ином, не правда ли?»

— Воистину, моя прелестная Роуз... — Улыбка его сделалась вдруг такой манящей — совсем как в ее самых смелых мечтах. — Кстати, мое имя Элтон, хотя если вы

* Sin — грех (англ.).